

Зелень сосен и кипарисов, причудливые декоративные скалы и яркие цветочные клумбы живописно обрамляли великолепные резные павильоны. Место для весеннего празднества выбрали поистине роскошное. Повсюду толпились молодые вельможи и первые столичные красавицы — яркий, цветущий сад юности и блеска императорской столицы.

— Ого, сколько народу, — негромко изумился Лю Чжэньцин.

Будучи главным «виновником» сегодняшнего торжества, он держался на удивление свободно и безмятежно вошел в самый центр праздника.

Второй молодой господин Лю лишь мрачно буркнул в ответ:

— Еще бы. Все только и ждут, когда ты опозоришься у всех на глазах.

Братья прекрасно понимали: это ловушка. Самый настоящий пир перед казнью, куда они послушно шагнули, едва переступив порог усадьбы.

Однако Лю Чжэньцину всё было нипочем — его невозмутимости позавидовал бы и мертвец.

— Чем больше свидетелей, тем лучше, — беззаботно отозвался он. — Даже если Великая принцесса захочет выгородить своего обожаемого кузена, ей придется считаться с приличиями. Не станет же она прилюдно издеваться над беззащитным на глазах у всей столичной знати? Своя честь ей дороже.

Вдруг он осекся и, резко посерьезнев, спросил:

— Послушайте, а как Великая принцесса относилась к нашей семье все эти годы?

Третий молодой господин Лю презрительно фыркнул:

— Она — особа императорской крови. С чего бы ей якшаться с безродными торговцами? Мы для нее пустое место, никакого общения никогда не было.

Лю Чжэньцин слегка прищурился.

«Странно. Как придворные купцы могут совсем не пересекаться с императорской семьей, которая сама по уши в торговле? Такое возможно лишь в одном случае — если их презирают настолько, что готовы поступиться даже собственной выгодой»

Похоже, сегодня ему предстояло расплачиваться не только за свежие глупости, но и по старым счетам. У Великой принцессы явно не было того великодушия, коим обладал генерал Хо.

«Ну и девка, — мысленно покачал головой Лю Чжэньцин. — Столько лет прошло, а она всё так же злопамятна. Неужели до сих пор дуется из-за той давней обиды? Да так сильно, что перенесла свою ненависть даже на побочную ветвь моей семьи?»

Стоило им занять свои места, как братья принялись наперебой читать ему нотации, словно заранее списав его со счетов. Лю Чжэньцин лишь сокрушенно вздыхал, чувствуя себя абсолютно невинным. Ну вот за кого они его принимают? Разве он похож на человека, который сам напрашивается на неприятности?

Тем временем на него со всех сторон устремились любопытные, оценивающие взгляды. Слухи о том, что произошло у ворот, уже разлетелись по саду, заставив гостей взглянуть на беспутного молодого господина Лю другими глазами. Впрочем, никто не сомневался: целым и невредимым он отсюда сегодня не уйдет.

Вскоре по рядам пронесся шепоток, и гости один за другим начали подниматься со своих мест. Лю Чжэньцин встал вместе со всеми, почтительно склонив голову в сторону крытой галереи, ведущей к главному помосту. Оттуда в окружении многочисленной свиты величественно шествовала процессия.

Лю Чжэньцин с первого взгляда узнал женщину, шедшую впереди всех. Ее волосы были уложены в высокую прическу «парящие облака», усыпанную золотыми шпильками и драгоценным жемчугом. Роскошное платье из парчи золотистых оттенков подчеркивало ее высокий статус. Несмотря на то что ей давно перевалило за тридцать, ухоженное лицо выглядело молодым и свежим, хотя былая девичья живость безвозвратно уступила место холодной, надменной величавости.

Перед ним была Великая принцесса Юань Юйин. По сути, первый человек из его собственного прошлого, которого он встретил после перерождения.

Рядом с ней шла молодая особа, чье одеяние по пышности ничуть не уступало наряду Великой принцессы. Судя по покрою и цветам ткани, это была незамужняя царица, все еще живущая во внутреннем дворце.

Лю Чжэньцин быстро прикинул в уме:

«У Нового императора из дочерей в живых осталась только одна — Восьмая принцесса»

В его памяти она запечатлелась пугливой девчушкой со смешными косичками, которая вечно спотыкалась на ровном месте и сжималась от страха при его появлении. А теперь поди ж ты — превратилась в настоящую красавицу. Время летит, ничего не скажешь.

Появление сестры Нового императора стало для всех неожиданностью. Гости зашептались, а затем вновь принялись украдкой коситься на Лю Чжэньцина. Теперь его положение казалось не просто шатким — на кону стояла сама жизнь.

— Лю Сяочжу, ну ты и проклят! — в панике прошипел на ухо Второй молодой господин Лю. — Теперь тебя вообще никто не спасет!

Лю Чжэньцин, все еще разглядывавший преобразившуюся принцессу, недоуменно повернулся к братьям. Те бледнели на глазах.

— Эта капризная девчонка на весь мир раструбила, что выйдет только за Хо Фэнле! — торопливо зашептал Третий молодой господин Лю. — Она терпеть не может тех, кто заглядывается на ее ненаглядного генерала, будь то женщина или мужчина. Раньше она сидела безвыездно во дворце и могла лишь вызывать к себе столичных девиц, чтобы припугнуть их. Но сейчас ты столкнешься с ней лицом к лицу! Молись богам и держись от нас подальше, не смей втягивать семью Лю в свои грехи!

Лю Чжэньцин лишь озадаченно моргнул.

Великая принцесса и Восьмая принцесса заняли почетные места на возвышении. Гостям позволили сесть, и праздник официально объявили открытым. Однако не успели слуги разнести чай, а поэты — составить первые двустишия, как Великая принцесса сразу перешла к делу.

— Молодой господин Лю Сяочжу здесь? — прозвучал ее холодный, властный голос.

Лю Чжэньцин мысленно ухмыльнулся. Выйдя вперед, он совершил чинный поклон:

— Ничтожный подданный приветствует Ваше Высочество Великую принцессу и Ваше Высочество Восьмую принцессу. Желаю вам долгих лет и процветания.

Обычно после этого следовало веление подняться, однако знатные дамы не проронили ни слова, заставив его и дальше стоять на коленях.

— Подними голову. Дай мне взглянуть на тебя, — велела Великая принцесса.

Лю Чжэньцин послушно поднял взор. Принцесса долго всматривалась в его лицо, прищурив глаза, а затем брезгливо поморщилась, словно увидела какую-то мерзость. И тут же сделала то, что Лю Чжэньцин слишком хорошо помнил по прошлой жизни, — закатила глаза.

У него невольно дрогнул уголок рта. В прежние времена Юань Юйин ненавидела его лютой ненавистью по одной простой и глупой причине: он был красивее нее. Когда-то заморский принц, присланный для заключения династического брака, наотрез отказался жениться на ней, объявив, что с первого взгляда влюбился в Лю Чжэньцина и желает взять в жены только его. Тот наглец даже прилюдно сравнил их, заявив: «Этот юноша столь прекрасен, что стирает грани между мужчиной и женщиной, ты же уродлива так, что тебя не отличить от скотины». Великая принцесса тогда от ярости лишилась чувств, а за Лю Чжэньцином окончательно

закрепилась слава первого красавца Поднебесной.

С тех пор принцесса затаила смертную обиду. Даже после того как переговоры о браке провалились и она вернулась в Великую Чжоу, при каждой встрече она непременно закатывала глаза так усердно, что Лю Чжэньцин всерьез опасался, как бы они у нее не остались в таком положении навеки. И надо же — годы прошли, а привычка осталась.

— Действительно... до чего же неприятное лицо, — ледяным тоном процедила Великая принцесса, заставив присутствующих затаить дыхание в предвкушении зрелища.

Лю Чжэньцин, ничуть не смутившись, тут же повинулся с самым кротким видом:

— Родиться с такой невзрачной наружностью — тяжкий грех вашего покорного слуги. Быть может, мне лучше покинуть банкет, дабы не оскорблять взор Вашего Высочества и не портить столь прекрасный день?

Великой принцессе этот вкрадчивый, издевательский тон показался смутно знакомым, но она не собиралась поддаваться на уловки.

— Язык у тебя без костей, — высокомерно бросила она. — Неудивительно, что мой кузен поддался на твои ухищрения. Ходят слухи, что ты лишился рассудка, но, как я погляжу, изворотливости тебе не занимать.

— Ну что вы, Ваше Высочество слишком добры к скромному торговцу, — Лю Чжэньцин расплылся в глуповатой, простодушной улыбке.

— С чего ты взял, что я тебя хвалю? — оборвала его принцесса.

— Неужели Ваше Высочество изволит меня бранить? — с неподдельным изумлением и детской наивностью спросил он.

— Ты...

Окружающие ошеломленно переглядывались — от его наглого притворства у многих перехватило дыхание. Жун Шимин буравил обидчика яростным, полным ненависти взглядом.

В этот момент в разговор вмешалась Восьмая принцесса. Высокомерно вскинув подбородок, она холодно произнесла:

— Какое бесстыдство. Тетушка, к чему тратить с ним слова? Его речи дерзки, он выражает явное неуважение к императорскому роду! Прикажи немедленно наказать его за оскорбление величия. Эй, слуги! Всыпать ему тридцать ударов по губам!

По саду пронесся испуганный вздох. Тридцать ударов тяжелой деревянной дощечкой могли изуродовать человека на всю жизнь и превратить его лицо в кровавое месиво.

Жун Шимин довольно осклабился, празднуя победу. Напряжение на лице Великой принцессы тоже спало. Самой ей, как представительнице старшего поколения, не пристало чинить расправу из-за семейных дразг, чтобы не прослыть предвзятой защитницей кузена. Но капризной и взбалмошной Восьмой принцессе до чужого мнения дела не было.

Лю Чжэньцин ожидал чего-то подобного, но это не значило, что он безропотно подставит лицо под удары. Он перевел взгляд на Восьмую принцессу. Во всем ее облике сквозило еще больше спеси, нежели у Великой принцессы, но если у той она казалась признаком знатного происхождения, то у молодой царевны перерастала в глупое, упрямое самодурство. А ведь он только что мысленно хвалил ее за то, как хорошо она повзрослела...

— Смею ли я спросить Ваше Высочество, в чем именно выразилось мое непочтение к трону? — спокойно заговорил Лю Чжэньцин. — Если рассуждать о нарушении приличий и подрыве авторитета власти, то события у ворот усадьбы...

— Лю Сяочжу! — гневно перебил его Жун Шимин, боясь, что тот взболтнет лишнего. — Слово Ее Высочества — закон! Одно твое пререkanie уже есть тягчайшее оскорбление величия!

— Ваша правда, я лишился памяти, но ума пока не лишился, — парировал Лю Чжэньцин. — Насколько мне известно, в своде законов Великой Чжоу нет правила, позволяющего карать за несогласие с чужим произволом. Прошу Ее Высочество разъяснить мою вину, дабы я осознал свои заблуждения и впредь не совершал подобных ошибок.

— Ах так? — вскричала Восьмая принцесса, сверкнув глазами. — Тогда отвечай: не твои ли слова разнеслись по всей столице? «Если и связывать жизнь узами брака, то лишь с генералом Хо»! Это ведь ты сказал?!

Лю Чжэньцин перебрал в уме с десятков благовидных объяснений, но никак не ожидал от принцессы такой детской прямооты. Она без утайки выложила все свои девичьи обиды перед собранием, на мгновение лишив его дара речи.

— Ну... допустим, мои, — нехотя признал он.

— Вот именно! — победоносно фыркнула она. — Да кто ты такой, чтобы сметь трепать имя великого генерала Хо?! Твои бесстыдные бредни теперь смакуот на каждом углу! Ты хоть понимаешь, как это вредит репутации доблестного воина? Неужто любой проходимец может безнаказанно заявлять о притязаниях на его руку? Будучи мужчиной, ты напрочь лишен стыда: преследуешь его, прилюдно изливаешь грязные чувства, устраиваешь беспорядки, да еще и смеешь бахвалиться! Разве это не дерзость? Даже мой августейший брат-император объявил, что в вопросе брака полностью полагается на волю генерала Хо. А ты выставил Генерала Хо на посмешище всей черни! Это и есть прямое посягательство на авторитет короны! Побой — слишком мягкая кара за твое безумие. Если пикнешь еще хоть слово, я велю

вырвать тебе язык!

Двое дюжих слуг с тяжелыми бамбуковыми колотушками уже неторопливо приближались к распростертому на земле Лю Чжэньцину.

Присутствующие сочувственно вздыхали: зажатый в угол неоспоримыми доводами, молодой господин Лю казался обреченным.

Внезапно тишину нарушил чистый, спокойный голос:

— Ваше Высочество, осмелюсь заметить, что в этих словах скорее звучит искреннее восхищение заслугами генерала, нежели насмешка. Доподлинно известно, что сам генерал Хо присутствовал при разговоре и не выказал ни капли гнева. Едва ли содеянное можно счесть преступлением против престола.

Лю Чжэньцин изумленно вскинул брови. Надо же, нашелся смельчак, решивший за него заступиться.

Он скользнул взглядом по говорившему. Юноша в белоснежном халате держался с изысканным достоинством, а его черты лица показались Лю Чжэньцину смутно знакомыми.

По рядам гостей прошел вздох удивления. Многие тут же догадались, кто решился перечить разгневанной царевне, — ведь перед ними стоял не кто иной, как брат самого Хо Фэнле.

Однако Восьмую принцессу это ничуть не остудило. Смерив заступника презрительным взглядом, она капризно топнула ногой:

— Если я говорю «преступление», значит, так оно и есть! Бейте его!

<http://bllate.org/book/20542/2132706>